

Китаец

Автор:

Марина Цветаева

Китаец

Марина Ивановна Цветаева

Автобиографическая проза

«Вся моя проза – автобиографическая», – писала Цветаева. И еще: «Поэт в прозе – царь, наконец снявший пурпур, соблаговоливший (или вынужденный) предстать среди нас – человеком». Написанное М.Цветаевой в прозе отмечено печатью лирического переживания большого поэта.

Марина Цветаева

Китаец

Почему я так люблю иностранцев, всех без разбору, даже подозрительных арабов и заносчивых поляков, не говоря уже о родных по крови юго-славянах, по соседству и воспитанию – немцев, по нраву и громовому р – итальянцев, не будем перечислять, – всех, без разбору? Почему сердце и рот расширяются в улыбку, когда на рынке слышу французскую речь с акцентом, верней, один акцент с привеском французской речи? Почему, если мне даже не нужно капусты, непременно, магнетически, гипнотически беру у «метека» кочан и даже, вернувшись, второй, только чтобы еще раз услышать его чудовищное для французских ушей «мерррси», с топором рубнувшим «мадам», а иногда и просто: «До свидания, приходи опять». Почему, при худшей капусте, для меня метеков лоток непременно – лучше? Почему рука сама, через лоток, жмет арабову, арапову и еще не знаю чью – лапу? Почему, когда на рынке ловкий «камло», сыпля словами и жестянками, превозносит французскую сардинку и поносит

португальскую, я, оскорбленная, отхожу? Ведь не меня же ругали – при чем тут русские? Но ругая португальскую сардинку, меня, мою душу задела, и это она увела меня из круга туземцев более властно, чем ангел-хранитель за руку, или ажан – тоже за руку, хотя иначе.

Потому ли (так люблю иностранцев), что нам всем, чужакам, в Париже плохо? Нет, не потому. Во-первых, мне в Париже не плохо (не хуже, чем в любом месте, которого я не выбирала), во-вторых, моему рыночному другу-армянину, который молодых зовет “*p’tite soeur*”[1 - Сестрица (фр.)], а пожилых “*p’tite mere*”[2 - Мамаша (фр.)], и даже самую нарядную даму не зовет “*Madame*”, в Париже явно хорошо. Значит, дело не в плохости жизни, и любовь моя не “*camaraderie de malheur*”[3 - Товарищество по несчастью (фр.)].

А потому что каждому из нас кто-то, любой, пусть пьяный, пусть пятилетний, может в любую минуту крикнуть “метек”, а мы этого ему крикнуть – не можем. Потому что, на какой бы точке карты, кроме как на любой – нашей родины, мы бы ни стояли, мы на этой точке – и будь она целыми прериями – непрочны: нога непрочна, земля непрочна... Потому что малейшая искра – и на нас гнев обрушится, гнев, который всегда в запасе у народа, законный гнев обиды с неизменно и вопиюще несправедливыми разрядами. Потому что каждый из нас, пусть смутьян, пусть волк, – здесь – неизменно ягненок из крыловской басни, заведомо – виноватый в мутности ручья. Потому что из лодочки, из которой, в бурю, непременно нужно кого-нибудь выкинуть, – непременно, неповинно и, в конце концов, законно, будем выкинуты – мы. Потому что все мы, от африканца до гиперборейца, *camarades ne de malheur, а: de danger*[4 - Товарищи не по несчастью, а по опасности (фр.)]. Потому что, если мы все под Богом, то на чужой земле еще и под людским гневом ходим. Гневом черни, одной – всегда, одним – всегда. Потому что стара вещь – вражда, и сильна вещь – вражда. Иностранца я люблю за то, что у него на всякий случай голова втянута в плечи, или – что то же и на тот же случай – слишком уж высоко занесена. Не “плохо живется”, а плохо может прийти. Мне скажут: “А у себя, в Москве?” Да, было дело, и не раз:

“Ишь, буржуйка, шляпу нацепила!” (Из глаз – ненавидящий класс.) – “А я зато в Москве родилась, а ты откуда взялся?” Ведь я, при всем моем превосходстве: стоянии над месторождением, отыгрывалась – им же! И этого довода “в Москве родилась”, этой почвы из-под ног у меня никто не вырвет, даже если я, как сейчас, от нее за тридевять земель и запретов. Убьют – не возьмут!

Я сказала: camarades de danger. И все же – нет. Родина, в иные часы, настолько опаснее чужбины, насколько опаснее возможного несчастного случая – верная смерть. Смерти бежа, – побежали многие беженцы. Camarades de danger, но не физического. Страх оскорбления, а не смерти, нам всем головы втягивает, и вызов невидимому оскорбителю иным из нас головы заносит. Оскорбления, на которое в иностранцевом

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сестрица (фр.)

2

Мамаша (фр.)

3

Товарищество по несчастью (фр.)

Товарищи не по несчастью, а по опасности (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/cvetaeva_marina/kitaec

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)